

© А.В. ШУКЛИН

a-shuklin@nm.ru

УДК 141.7

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

АННОТАЦИЯ. Предметом данной статьи является глобализация, представленная как культурно-исторический феномен, задачей – определение ее культурного потенциала в контексте современности. В качестве методологии выбран системный подход.

SUMMARY. The research subject of this article is globalization which is presented as a culture-historical phenomenon. The task of the author is to define its cultural potential within the context of modern times. A systematic approach is chosen as methodological instrument.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Глобализация, глобальная культура, цивилизация, индигенизация.

KEY WORDS. Globalization, global culture, civilization, indigenization.

На сегодняшний день в политической сфере можно наблюдать создание наднациональных единиц различного масштаба, политические и военные блоки, региональные и межрегиональные объединения, различные коалиции. В экономической сфере также наблюдаются координация и интеграция, глобальное разделение труда, усиление роли и могущества транснациональных компаний, которые могут проявлять себя и как политические акторы. Отсюда вытекают и предположения о том, что и в сфере культуры также доминирует тенденция к единообразию [1; 121]. При этом основная роль здесь приписывается средствам массовой информации, воздействие которых явно абсолютизируется в силу действительно глобальной сети массовых коммуникаций. Но существует сомнение в возможности «глобальной деревни», где господствует единая глобальная культура, автор данной концепции предполагал, что существует сопротивление со стороны устаревших моделей восприятия. Отрицая принадлежность человечества к одной культуре, одному языку или одной технологии, постулируется существование единого суженного пространства человеческих отношений, созданному благодаря электронной связи. Это пространство и есть «глобальная деревня», живущая по принципам плюрализма, одновременно в разных пространствах и культурах, и избегающая замкнутости и изолированности [2; 86-87].

Здесь закономерно поставить следующий вопрос: если существует вышеупомянутая тенденция к унификации, то по каким критериям она осуществляется? Сам термин предполагает приведение к единой форме, единообразию, следовательно, должны существовать и единые стандарты. Возможно, последователи концепции культурной унификации и сами являются адептами той самой шаблонной культуры. Проблема догматизма возникает при появлении заведомо заданного образца, под который все должно подгоняться.

Предполагаемая унификация мирового пространства, представление о глобализации как стирании различий между всеми жителями планеты игнорирует

факт наличия специфических характеристик, придающих культурам мира свойство отличности от других и позволяющих обрести собственную идентичность. Как раз эти самые специфические характеристики отдельных культур и составляют во многих случаях основу для отождествления с представителями определенной цивилизации, их утрата будет восприниматься как потеря основ своей идентификации, цивилизационных признаков, принятие чужих правил игры, навязывание же иных культурных стандартов может вызвать в данных обществах протест, привести к конфликтам. Поэтому активное стремление к стиранию границ между культурными различиями, стремление привести их к единому основанию (учитывая, что каждое общество потенциально сможет претендовать на следование именно своим идеалам и ценностям и считать только лишь их приемлемыми), культурный нигилизм могут привести в дальнейшем к обострению отношений между различными культурами и цивилизациями.

Унификация культуры проходит при явно выраженном доминировании западной культуры, все общечеловеческие ценности рождаются в лоне западной либеральной демократии, которая давно уже стала эталоном, образцом для подражания и все отклонения от заданных ею стандартов считаются ненормальными. Следовательно, здесь можно выделить центр, отвечающий за выработку данных стандартов, вовлеченный в процесс творчества норм и эталонов культуры и который можно охарактеризовать как столицу производства духовных ценностей, которым должна соответствовать оставшаяся в стороне периферия культурного пространства, провинция [3; 51-60].

Если представить культурное пространство как систему, то данный центр будет выступать как ее конфигуратор, ее организующий фактор, придающий взаимодействию свойства системности и характер целостности. При этом импульсы, исходящие от конфигуратора системы к остальным ее элементам, будут гораздо сильнее, нежели от импульсов, исходящих в противоположном направлении. Другими словами, центр влияет на периферию сильнее, чем она на него, если таковое влияние вообще осуществляется и может каким-то образом воздействовать на систему. Но существует вероятность того, что в рамках вышеуказанной системы могут выделиться подсистемы, в которых будут уже другие конфигураторы или центры притяжения. Перенеся эту схему на политические реалии современности, мы получим единое мировое пространство с региональными блоками, в которых будут доминировать определенные государства. Лидеры глобализационного процесса определяют параметры, по которым он протекает, задают отношения между остальными акторами глобализации. На данный момент бесспорным лидером глобализации являются Соединенные Штаты Америки, обладающие мощнейшей экономикой мира, колоссальным потенциалом вооруженных сил и, что самое главное, стратегией своего развития.

Подобную ситуацию описывал американский политолог С. Хантингтон. Для него мир делится на несколько цивилизаций, в большинстве из которых определяющее воздействие оказывают стержневые государства, признанные лидеры той или иной цивилизации. Также данный автор подвергает сомнению принципы универсализма, заявляя о неискоренимости фундаментальных ценностей и институтов, которые в процессе глобализации будут лишь усиливаться. Индигенизация — обращение к культурным истокам, обретение себя через традиции предков — явление, вызванное урбанизацией, разрывом традиционных связей, страхом утраты своей идентичности.

Она вызвана необходимостью опоры на незыблемый культурный базис, благодаря чему появляется возможность отождествлять себя как представителя определенной религиозной или этнической группы, что дает психологический комфорт, удовлетворяющий потребности в общении и безопасности. Универсализму противостоит мультикультурность, которая уже подвергла ревизии идеологию «плавильного тигля» в США, бросила вызов идеалам западной цивилизации и заменила права личностей правами групп, определенных в значительной мере в терминах расы, этнической принадлежности, пола и сексуальной ориентации [4; 499-500].

В перспективе связывать монополярный мир с одним лишь атлантизмом неверно. В мире существуют и другие игроки на геополитическом пространстве, и нет гарантии того, что они не будут пытаться исключить появление цивилизационной альтернативы. Никакая культура никогда не заявит о несостоятельности своих идей, но внутреннее осознание их ложности или тупиковости могут дать импульс к их изменению и созданию новых. Благодаря тому, что некоторые ценности могут восприниматься аффективно и иррационально, с верой (любовью), они будут представлены как бесспорно истинные [5; 442]. Таким образом, создается преграда для замещения их другими, привнесенными извне, не имеющими трансцендентного основания и глубокой (фундаментальной) укорененности в массовом сознании. Следовательно, существует возможность актуализации определенных ценностных идеалов путем наделения их соответствующим ресурсом для легитимации.

Вообще стремление к унификации и стиранию разнообразия может привести к двум вариантам: потеря либо же, наоборот, гипертрофия, преувеличенное чувство своей идентичности, индигенизация. В эпоху глобализации культурные факторы все больше определяют геополитику, так же, как экономика и идеология. Поэтому в современном мире актуализируется понятие «этнос», происходит возврат к корням, что можно трактовать как защиту расовой, национальной, религиозной идентичности. Считается, что только образование и культура смогут смягчить остроту нынешней ситуации [6; 5].

Однако же в глобальном мире самым важным признается стремление выжить и морально, не потеряв уважения к самому себе, обязанность показать себе, что ты находишься не только на высоте чужой современной силы, но и чужого духа. Изнурительна именно эта, моральная сторона процесса модернизации. Под модерном принято также понимать и эпоху, которая начинается в Новое время и суть которой состоит в глубинном преобразовании устоев и принципов традиционного общества [7; 181]. Самое трудное — это модернизация умов, в противном случае, если бы речь шла только о заимствовании способов и рецептов, то главной была бы забота лишь о финансировании модернизации оборудования. Но и модернизация такого характера невозможна без отсылки к эталону, идеям, способным вызвать восхищение [8; 293-294]. Но в то же время нет гарантии того, что произойдет полная мимикрия, нет гарантии, что будут заимствованы и адаптированы в инокультурных условиях те или иные институты, что поставит вопрос о демонтаже предыдущих установлений.

К тому здесь вероятна ситуация заложников культуры, когда ставится под сомнение существование возможности выбрать для себя тот или иной ценностный ориентир. Социализация и включенность в культуру, определенное вос-

питание и соответствующий тип поведения, следование обычаю и примеру затрудняют или делают практически невозможным индивидуальный пересмотр общественных позиций. Общество так или иначе навязывает определенное видение порядка вещей, предписывает и закрепляет социальные роли и предлагает свой вариант коллективной идентичности, которая может выступать как гарант устойчивости социальных связей [9; 99].

Эта проблема близка к идее разделения обществ на автономные и гетерономные. Автономное общество демократично и само определяет свою идентичность, гетерономное находит ее в традициях, обсуждение которых зачастую бывает жестко табуировано, и в трансцендентных основаниях. Из разделения обществ на автономные и гетерономные, по-видимому, вытекает и классификация обществ на открытые и закрытые. Здесь в основе разделения важную, если даже не главенствующую, роль играет фактор политического устройства и включенности в международное разделение труда, приверженность к идеалам прав и свобод человека и гражданина, свободы слова, либеральной демократии. Так, Хабермас предлагает делиберативную демократию как демократию рационального дискурса, где каждый имеет право подняться с уровня клиента до уровня автора и участника [7; 245].

Очевидно, что подобные идеи не могут встретить одобрения со стороны элит в авторитарных (закрытых, согласно терминологии глобалистов) обществах. Подобно аристократии в эпоху Нового времени, они опасаются утраты своих статусных позиций в результате возможного распыления ценностей, которые они отстаивают. Часть общества, ответственная за выработку стратегического курса развития общества, таким образом, сама становится более заинтересованной в ригидности, нежели в лабильности социальных структур. Обвиняя универсализм в ориентации на тотальность и обосновывая существование спонсируемой и курируемой моделей глобализации, тем самым консервируется статус-кво в политической системе обществ, настроенных на противление культурному влиянию извне.

В закрытых, авторитарных обществах велико давление общественного мнения, в них сильна и узурпация власти на местах. Каждой социальной группе присущи свои идеи, в зависимости от их влияния ранжируются и провозглашаемые ими идеалы. В зависимости от репрезентативности и влиятельности данных социальных групп одни идеи становятся доминирующими, а другие — нет. В замкнутых большей частью аграрных обществах социальное устройство гомогенно, что делает прочным коммуникативную структуру. Отношения внутри общности построены на основе солидарности, моральное отношение к ближнему построено на основе уважения, как к «одному из нас» [10; 62]. Для предотвращения политических потрясений и сохранения стабильности элита начинает культивировать ценности прошлого, традиции, которые нужны также и для легитимации своей деятельности, хотя это можно расценивать и как проявление страха утратить свою самобытность, отчаянную реакцию беспомощности.

Во многих обществах до сих пор присутствуют незыблемые основы культуры. Довлеющее влияние традиций распространяется даже на тех, кто их не признает. К тому же традиционные общества могут как вовлекать в орбиту своего влияния неофитов, так и наоборот — самоизолироваться от внешнего окружения, проводя четкую демаркационную линию «мы — они». При этом

историческое развитие таких обществ на современном этапе показывает следующее: неформальные отношения семьи, соседства, общинной религиозности, неформальных сообществ не только дифференцировались, возросла их спаянность с общественной жизнью и государственной регуляцией [7; 171].

Следует взвесить соотносительную значимость факторов: идей, интересов, институтов, религии и определить, какой из них является определяющим. Также необходимо в процессе генерации культурных ценностей указать на связь власти и стратегов, ангажированных интеллектуалов, от личности которых во многом зависит будущий облик цивилизации, так как во многом они вырабатывают общие принципы, по которым живет общество. Ценности в обществе репрезентирует и аттестует интеллектуальная и политическая элита, более других осознающая общественные метаморфозы, хотя эти идеи могут не иметь смысла либо превратно пониматься на низших социальных ступенях [5; 441]. Поэтому зачастую происходит облечение идей в доступную для понимания форму, часто вульгарную и утрированную, для того чтобы они приобрели смысл для адресата.

В. Декомб выделяет следующие сценарии в процессе трансформации культурных ценностей, показывая, какие взгляды могут возобладать: релятивизм («у каждого свои ценности»), историцизм («другая эпоха — другие ценности») и нигилизм («само по себе ничто не имеет ценности») [8; 308]. Стоит проблема совмещения многополярности (поликультурности) и наличия универсальных (общечеловеческих) ценностей. Бесконфликтное сосуществование возможно лишь тогда, когда ценностные воззрения не претендуют на исключительную истинность, в противном случае они будут отрицать другие истины, которые рассредоточены в различных универсумах дискурса. Универсальными могут быть только этические ценности и правовые нормы, которые будут отстаивать установки и защищать принципы внутренней многополярности, дающей право на инаковость в рамках определенной политической структуры, пусть даже и наднационального характера.

В конечном итоге нельзя сделать окончательный прогноз относительно дальнейшего протекания процесса глобализации, нельзя и выделить здесь генеральную линию развития; глобализация, скорее всего, будет иметь сложную траекторию. Глобализацию следует прежде всего рассматривать не как одновариантный сценарий развития, что уже подразумевает наличие определенного продуманного плана развития, но многовариантный, альтернативный, поливалентный процесс, не поддающийся каким-либо объективным закономерностям и непреложным тенденциям, задающим детерминистскую однозначность и предопределенность [11; 23-25].

Законы глобализации не являются универсальными, так как не являются регулярными во всех случаях, и поэтому для ее полного объяснения и заключений о неизвестных фактах должна использоваться не дедуктивная логика, а логика вероятности. При этом крайне необходимо учитывать, что в данном случае не существует условия индифференции, т.е. равновозможности для всех случаев. Наблюдается разница импульсов воздействия, сила и интенсивность которых будет соответственно иметь и различные последствия. Это говорит о том, что одни случаи будут происходить чаще других по причине того, что не у всех участников глобализации существует равная возможность проводить свои решения и осуществлять различные проекты. Для геополитических акторов

это означает, что каждый из них имеет различный радиус воздействия, определяемый целым набором характеристик, составляющих кратополитический потенциал и непосредственно влияющий на стратегию поведения по отношению к внешнему окружению.

Есть ряд трендов: те, которые существуют на сегодняшний день и те, которые могут быть актуализированы в дальнейшем, храня в себе немалый конфликтотенный потенциал. Это возможность навязывания своих культурных ценностей в качестве универсальных, носящих общечеловеческий характер, традиционализм, религиозный фундаментализм, этнизм, трайбализм, диалог и изоляционизм, сотрудничество и конфликт, интеграция и парцелляция. Так или иначе, невозможно будет нивелировать все культурные различия между цивилизациями, по поводу культурных ценностей диалог представляется вообще маловероятным по причине их принципиальной во многом противоположности, неприятия одной стороной установок другой. Диалог возможен между культурами, что дает предпосылку для установления контактов, взаимовлияния и взаимообогащения. Но диалог ни в коем случае не должен вестись по поводу того, для кого какие ценности должны быть предпочтительней, не говоря уже о попытках навязать свои.

Современный мир в последнее время все чаще становится свидетелем диалога второго типа. Очевидны требования распространения в мире единых стандартов в политической и экономической сферах на примере необходимости соблюдения общепринятого образца демократического политического режима (демократия везде основывается на принципах свободы, равенства и братства, проблема только в том, что в различных обществах в эти понятия вкладывается и различный смысл) и рыночной экономики, попыток прозелитизма многих конфессиональных организаций (что становится причиной запрета их деятельности во многих странах), активная деятельность различных международных организаций и фондов.

Неустранимость различий влечет за собой либо конфликты, либо необходимость создания универсального регулятора отношений, каким на сегодняшний день видится придание международному праву общеобязательного характера. Правовые нормы здесь призваны для придания причинной закономерности, предсказуемости, устойчивости мировой системы. Они будут призваны обеспечить принуждение в рамках внешних причинных факторов. Для этого видится актуальным реформирование Организации Объединенных Наций как единственного на сегодняшний день института, способного к артикуляции действительно глобальных проблем человечества и которому необходимо более эффективно решать поставленные задачи. Однако в последнее время все больше видится неэффективность ООН как международной организации, призванной обеспечить мир и стабильность. Наблюдается все большее учащение войн и военных конфликтов, несоблюдение принципов международного права, создание региональных блоков. Противоречия между странами-членами ООН все чаще обостряются, и существует мнение, что на сегодняшний момент данная организация не в состоянии более обеспечивать устойчивость мировой системы [12; 187].

Существует также идея и создания мирового правительства как коллегиального органа, ставящего цель интеграции, координации действий и снимающего напряженность в области международных отношений. Но эта идея встречает сопротивление со стороны многих государств, так как актуализирует проблему

распыления национального суверенитета, его делегирования наднациональному органу, оставляя себе лишь определенную компетенцию в сфере местного самоуправления [13; 216-217].

Нечто подобное мировому правительству, ограниченного в региональном масштабе можно наблюдать сегодня на европейском континенте, на территории которого довольно успешно функционирует Европейский Союз. Но, несмотря на наличие политически и экономически единой Европы, Франция по-прежнему остается Францией, Германия Германией, Испания и Великобритания сталкиваются с этноконфессиональными конфликтами, а Швейцария остается полифонной страной. Все это говорит о наличии базовых культурных оснований, различия между которыми не удастся нивелировать политическим способом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
2. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005. 496 с.
3. Павлов А.В. Многомерность провинциализма // Филологический дискурс: вестник филологического факультета ТюмГУ. 2004. № 4. С. 51-60.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: АСТ, 2006. 571 с.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
6. Сидоров Е.Ю. Глобализация и массовая культура: угрозы и надежды для России (эссе) // Современная Европа. № 1 (37). Январь-март 2009 г. С. 5-17.
7. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М.: Академия, 1995. 245 с.
8. Декомб В. Современная французская философия: Сборник / Пер. с франц. М.: Весь мир, 2000. 344 с.
9. Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 252 с.
10. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
11. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
12. Федотов А.П. Глобалистика: Начала науки о современном мире: Курс лекций / 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 224 с.
13. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. М.: ВЛАДОС, 1998. 352 с.